

ВОПРОСЫ ЧАСТНОПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

УДК 347.12

ББК 52.42

СООТНОШЕНИЕ ПРИНЦИПА ДОБРОСОВЕСТНОСТИ И ПРИНЦИПА НЕДОПУСТИМОСТИ ЗЛУОПОТРЕБЛЕНИЯ ПРАВОМ В СОВРЕМЕННОМ ГРАЖДАНСКОМ ПРАВЕ

Волков Александр Викторович

Доктор юридических наук, доцент кафедры гражданского права и процесса
Волжского гуманитарного института (филиала)
Волгоградского государственного университета,
irbisadvokat@gmail.com
ул. 40 лет Победы, 11, 404133 г. Волжский, Российская Федерация

Аннотация. Принцип недопустимости злоупотребления правом, в отличие от принципа добросовестности, выражен в специальной по отношению к статье 1 ГК РФ норме права и образует конструкцию виновного правоосуществления с конкретными санкциями за недобросовестное использование предоставленных субъекту правовых средств. Связывая злоупотребление правом с выходом управомоченного лица за пределы принадлежащего ему субъективного гражданского права, необходимо иметь в виду, что речь идет о самом «узком» формальном понимании права.

Ключевые слова: принцип добросовестности, пределы правоосуществления, недопустимость злоупотребления правом, участник гражданского оборота, правомерное поведение.

С 1 марта 2013 г. вступили в силу поправки в I часть Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ), в них наиболее значимым новшеством стало законодательное закрепление принципа добросовестности как важнейшего ориентира для поведения субъектов гражданского права. Уравновешивая правила, утверждающие свободу договора и автономии воли, в новых п. 3 и 4 ст. 1 ГК РФ

закреплено, что при установлении, осуществлении и защите гражданских прав и при исполнении гражданских обязанностей участники гражданских правоотношений должны действовать добросовестно. Никто не вправе извлекать преимущество из своего незаконного или недобросовестного поведения.

Частично модернизирована и ст. 10 ГК РФ, где пределы осуществления гражданских

прав существенно конкретизированы, а запретные действия расширены до обхода закона как наивысшей формы злоупотребления правом. При этом обновленные нормы о злоупотреблении правом, несомненно, корреспондируют с закрепленным в ст. 1 ГК РФ принципом добросовестности. И если принцип добросовестности в цивилистической литературе анализируется [7], то соотношение этих двух важнейших принципов гражданского права абсолютно не исследовано.

Разрешая проблему тождества указанных норм-принципов, необходимо ответить на три вопроса. Во-первых, входит ли принцип недопустимости злоупотребления правом в общий принцип добросовестности, и если входит, то насколько далеко, и не является ли в этой связи принцип недопустимости злоупотребления правом «обратной стороной» принципа добросовестности (за «старшинство» принципа добросовестности говорит его нахождение в составе ст. 1 ГК РФ, за их равенство голосует отсылка в п. 1 ст. 10 ГК РФ к любым заведомо недобросовестным действиям при определении термина «злоупотребление правом»)? Во-вторых, не является ли принцип добросовестности частным правилом принципа о недопустимости злоупотребления правом (за эту версию свидетельствует более позднее законодательное внедрение принципа добросовестности на основании уже сформировавшейся судебной практики по вопросам злоупотребления правами [5])? В-третьих, не относятся ли исследуемые феномены к двум разным институтам гражданского права, сходным лишь по лексическим терминам (за этот вариант говорит резкое выделение злоупотребления правом как заведомо противоправного деяния, в отличие от крайней объективности принципа добросовестности, применяющегося даже при аналогии права (п. 2 ст. 6 ГК РФ))?

Чтобы ответить на поставленные вопросы, необходимо обратиться к основам гражданского законодательства. В науке гражданского права принципы характеризуют как определенные «исходные начала, важные для понимания юридической сущности всякой крупной области права, способствующие совершенствованию правового регулирования в этой области и облегчающие правоприменительную деятель-

ность, особенно при наличии пробелов в законах» [7]. Точную характеристику юридическому принципу дал в свое время еще Е.В. Васильковский: он служит и целью, ради достижения которой создана норма, и мотивом, побудившим законодателя создать ее, и, наконец, источником, из которого почерпнуто ее содержание [2, с. 224]. Представляет интерес определение С.Н. Братуся, который под принципом понимал «ведущее начало, закон данного движения материи или общества, а также явлений, включенных в ту или иную форму движения» [1, с. 135]. При этом он подчеркивал, что принцип, как закон данного явления, можно познать и с его помощью совершенствовать те или иные общественные отношения.

Итак, принцип добросовестности и принцип недопустимости злоупотребления правом прежде всего определяют сущность и отражают тенденции развития всей гражданско-правовой системы, они способствуют укреплению единства норм права и правовых отношений, субъективного и объективного права – это внутренние законы для применения и развития гражданско-правовой материи, это законы для законов (то есть по сути формула «право на право»). Эти принципы отражают сам «дух» права, определяют системный характер толкования и применения норм права, «забеливают» пробелы в праве, принимая на себя роль резервных правил, и воспитывают у субъектов права юридическую культуру взаимоотношений.

Оба анализируемых принципа вытекают из качества равновесности, которое заложено в таком правовом начале, как правовое равенство участников гражданских правоотношений. Эта формула выражает нацеленность гражданского права на пропорциональность, эквивалентность, справедливость при реализации субъективных гражданских прав и исполнении юридических обязанностей. Юридическое равенство, о котором традиционно говорят цивилисты, проявляется не только в независимости, неподчиненности воле субъектов гражданского права, не только в свободе усмотрения, свободе договора и неприкосновенности собственности, но прежде всего в координированности своего поведения в соответствии с правами равных друг другу субъектов, в наличии определенной иерархии наряду

с равенством в гражданском праве [6]. В принципе юридического равенства заключена основная сущность гражданско-правовой системы и через него она обретает всю свою юридическую жизнь.

Из принципа равенства, на наш взгляд, органично вытекают еще три гражданско-правовых принципа: 1) принцип справедливости; 2) принцип диспозитивности (свободы правоосуществления); 3) принцип добросовестного правоосуществления. В принципе справедливости заключается: а) справедливое сочетание частных и публичных интересов; б) восстановительный характер гражданского права; в) судебная защита как обеспечение восстановления нарушенных прав. В принципе диспозитивности заключены: а) свобода договора; б) неприкосновенность частной собственности; в) недопустимость произвольного вмешательства государства в частные дела; г) необходимость беспрепятственного осуществления гражданских прав; д) самостоятельность и инициативность. В принципе добросовестности заключены: а) добросовестное установление гражданских прав; б) добросовестное осуществление гражданских прав; в) добросовестная защита гражданских прав; г) добросовестное исполнение гражданских обязанностей; д) запрет на извлечение любых преференций из своего недобросовестного поведения.

Если в принципе справедливости заложена основная регулятивная цель (функция) гражданского права, то в принципе диспозитивности проявляется самая широкая, по сравнению с другими отраслями права, свобода усмотрения для самих субъектов гражданского права. Принцип добросовестности отвечает за то, чтобы правовые регулятивные нормы гражданского права не превращались в «жертву» свободы усмотрения (диспозитивности) субъектов права.

Итак, принцип добросовестности вытекает из гражданско-правовых принципов, отвечающих за сохранение первоначальных системных устоев всего гражданского законодательства, поскольку система права не может допустить, чтобы ее элементы эксплуатировались не в соответствии с их системным назначением.

Где же в таком случае место принципа недопустимости злоупотребления правом?

Ведь он, как и принцип добросовестности, «работает» только в ситуации правовой неопределенности, когда либо отсутствует соответствующая специальная норма права, регулирующая возникший казус, либо специальная действующая норма гражданского права не способна в силу своего юридического содержания (формализма, ошибок, пробелов) качественно разрешить стоящую перед ней задачу.

Полагаем, что именно на верхнем, системном «этаже» права функционирует и ст. 10 ГК РФ. В системе норм гражданского права она относится к высшей иерархии, поскольку отвечает за пресечение противосистемной эксплуатации норм права и в своем толковании базируется во многом на философских категориях «свободы», «справедливости», «равенства», «добросовестности», «разумности» и т. п. При этом злоупотребление правом, так же как и недобросовестные действия (ст. 1 ГК РФ), относится к актам правоосуществления, правопользования, правореализации; эти акты хотя и являются по своему характеру формальными, то есть внешне легальными, тем не менее недобросовестны, недействительны, незаконны по своей внутренней сути.

Нормам ст. 10 ГК РФ, также как и нормам ст. 1 ГК РФ, нельзя отказать и в наличии запрета на злоупотребление не только правами, но и обязанностями. Поскольку целостность субъективного гражданского права нарушается неисполнением лицом заложенной в нем же (субъективном гражданском праве) системной обязанности – не использовать свое право в качестве средства для причинения вреда другим участникам гражданского оборота, эта обязанность касается самого носителя права и направлена на сдерживание его эгоистических намерений.

Объясним подробнее. Правотребования на «чужие» действия образуют суть отдельных гражданско-правовых обязанностей, которые в неразрывном взаимодействии с субъективными гражданскими правами составляют содержание (элемент) правоотношения. Любое доктринальное определение понятия «гражданско-правовая обязанность» содержит в себе указание на то, что это «вид и мера должного поведения», предписанные субъекту законом либо договором. При этом

если «вид» подразумевает качественную характеристику поведения, его форму и содержание, внутреннюю сущность, то «мера» – некие границы, в которых обязанное лицо должно совершить те или иные действия в пользу кредитора. Эти границы могут быть временные, пространственные и любые другие. В этих даже самых узких границах всегда наличествует для лица «возможность» исполнить свою обязанность тем или иным образом, в тот или иной срок, в том или ином месте, в таких или иных условиях. Аналогично тому, как в любом субъективном гражданском праве содержится обязанность для субъекта добросовестно осуществлять свои права, так и в любой гражданско-правовой обязанности заложена формула: «право (в известных границах) на исполнение своей обязанности». Именно такое «микро-право» в составе обязанности (то есть определенные временно-пространственные и другие границы для исполнения обязанности) может быть средством злоупотребительного, недобросовестного поведения и по своей сущности ничем, кроме своей юридической оболочки, не отличаться от «стандартного» злоупотребления правом.

Злоупотребление правом на защиту – одна из распространенных, но сложнейших форм злоупотребительного поведения, также входит в сферу регулирования принципа добросовестности (п. 3 ст. 1 ГК РФ). Способы защиты гражданских прав в общем плане перечислены в ст. 12 ГК РФ, а также содержатся непосредственно в самой ст. 10 ГК РФ (отказ в защите права возмещения убытков). Нередки случаи, когда кредитор, обратившийся за защитой в суд, сталкивается со встречными требованиями должника, преследующими цель затянуть спор или уйти от ответственности. Так, например, в денежных требованиях должник (ответчик по делу) заявляет иск о признании договора, по которому он уже получил и использовал товар, недействительным по мотиву мнимости сделки, ее заинтересованности и т. п. Недобросовестный заявитель встречного требования о недействительности сделки обычно исполнение обязательства по сделке уже принял, но по определенным причинам не хочет делать встречного представления. У заявителя в этом случае нет действительного юри-

дического интереса, кроме как выиграть время, попользоваться чужим имуществом, склонить контрагента к мировому соглашению, вместо товара вернуть компенсацию без денежной неустойки и т. п. [4].

Интересна ситуация, когда злоупотребление правом на защиту происходит с использованием самой ст. 10 ГК РФ, с помощью которой теоретически можно аннулировать любое субъективное гражданское право, объявив, что его носитель выходит за пределы правоосуществления. В этом случае будет наблюдаться формализм права в своей наивысшей форме. Но и он должен быть преодолен с помощью системных инструментов гражданского права, не позволяющих правовой материи доминировать над своим собственным содержанием (в частности, с помощью принципа добросовестности, теперь четко закрепленного в ст. 1 ГК РФ).

Не дает полного ответа на вопрос о различиях исследуемых принципов и понятие «действие», в частности, является ли бездействие одной из форм злоупотребления правом или оно включено в структуру иного добросовестного поведения. В науке гражданского права бездействие традиционно относят к формам правоосуществления только в том случае, если право на бездействие закреплено прямо в законе или договоре [6]. Непосредственно в гражданских правоотношениях право на бездействие возникает в случаях, когда имеется правовая возможность: а) не получать какое-либо имущество; б) не передавать какое-либо имущество; в) не совершать личных действий, не связанных с передачей (получением) какого-либо имущества. В аналогичном порядке обязанность бездействовать возникает в случаях, когда имеется юридическая обязанность: а) не получать какое-либо имущество; б) не передавать какое-либо имущество; в) не совершать личных действий, не связанных с передачей (получением) какого-либо имущества. Бездействие, таким образом, может происходить в шести условных формах, то есть как право на бездействие и как обязанность бездействовать (хотя в гораздо более сжатых пределах, чем в первом случае). Право (обязанность) на бездействие в ситуации правовой неопределенности также может недобросовестно использоваться субъектами гражданского права. Отсюда бездействие в своих различных

формах должно включаться в объем понятия «действие» ст. 1 и 10 ГК РФ.

Статья 10 ГК РФ, в отличие от более «размытого» принципа добросовестности, устанавливает пределы осуществления гражданских прав, запрещая совершенно определенное, а именно злоупотребительное поведение. Она предусматривает специальный ограничитель усмотрения субъектов гражданского оборота при осуществлении ими своих субъективных гражданских прав: не допускаются действия граждан и юридических лиц, осуществляемые исключительно с намерением причинить вред другому лицу (шикана), действия в обход закона с противоправной целью, а также иное заведомо недобросовестное осуществление гражданских прав; не допускается использование гражданских прав в целях ограничения конкуренции, а также злоупотребление доминирующим положением на рынке. При этом сложность применения запрета о злоупотреблении правом состоит в том, что он сам происходит из коренных гражданско-правовых принципов, но в то же время по отношению к большинству гражданских норм является не ближайшим, а отдельным основанием, с которым нужно считаться во избежание системного противоречия между нормой и ее общим основанием. Именно поэтому ст. 10 ГК РФ выражена как полноценная норма права со стандартной структурой «если – то – иначе».

Следует обратить внимание, что в ст. 10 ГК РФ, в отличие от ст. 1 ГК РФ, речь идет о намеренных действиях, то есть об умышленных действиях лица. С субъективной стороны употребление права «во зло» предполагает определенную упречность управомоченного лица. Случайное причинение вреда при осуществлении субъективного гражданского права уже не есть действие «во зло» и должно квалифицироваться по правилам деликтных обязательств. При шикане, обходе закона [3] или любой другой форме злоупотребления правом действия нарушителя являются умышленными и подлежат доказыванию. Другими словами, субъект гражданского права обязан нести ответственность по общему правилу только за те последствия своих деяний, которые содержались в его умысле. За то, что добавилось к ним извне, со стороны окружающего

мира, он ответственности не несет. При этом вина нарушителя дается в виде сформированного, с избранными средствами, но по большому счету до конца не осознанного свободного мотива – намерения. Намерение, как сдвинутый на цель мотив, является, по мнению законодателя, неотъемлемым элементом правонарушения, составляющего субъективную основу конструкции злоупотребления правом. При этом лицо, которое злоупотребляет правом, отменяет для себя общепринятое значение действующих в обществе законов и прикрывает, маскирует их в каждом конкретном случае своим собственным толкованием. Тем самым оно не просто, а лицемерно (нечестно, недобросовестно) игнорирует всеобщее значение права и руководствуется при совершении поступков своим собственным эгоистическим намерением.

Итак, принцип недопустимости злоупотребления правом, в отличие от принципа добросовестности, выражен в абсолютно конкретной, специальной по отношению к ст. 1 ГК РФ норме права и образует конструкцию виновного правоосуществления с конкретными санкциями за недобросовестное использование предоставленных субъекту правовых средств. При этом, связывая злоупотребление правом с выходом управомоченного лица за пределы принадлежащего ему субъективного гражданского права, необходимо иметь в виду, что в действительности речь идет не о субъективном гражданском праве и тем более не о праве как о системе норм, принципов, идей и т. п. Речь идет о самом «узком» формальном понимании права (*субъектном праве*) в разрезе словесной догмы данной юридической нормы, прямо (но бедно) регулирующей то или иное поведение лиц (чем и пользуется злоупотребляющее лицо).

Категория добросовестности, используемая в п. 3 ст. 1 ГК РФ в своем субъективном смысле (знал, не знал), в гражданско-правовом аппарате является специальной системной регулятивно-оперативной конструкцией, призванной устранять эгоистические наклонности участников оборота и учитывать интересы и цели гражданского оборота в целом. По своей имманентной сущности к недобросовестным действиям относятся действия, по Штаммлеру, с «двой-

ным» дном, то есть действия субъектов, которые знали (могли или должны были знать) реальные обстоятельства дела, но намеренно реализовали свои права, прикрываясь их внешней законностью. При этом конструкция «должен был знать» призвана устранить ссылку на фактическое незнание субъекта об определенных обстоятельствах дела. «Квазизнание» предполагает, что при определенных условиях субъект должен был знать об обстоятельствах на 100 процентов, а если он не знал, то это лишь образует его вину в форме грубой неосторожности. «Мог знать» означает более «мягкую» вину (простую неосторожность), где не требуется фактического знания, а достаточно большой вероятности такого знания исходя из фактических обстоятельств дела, а также требований осмотрительности, заботливости, разумности.

Признание субъекта добросовестным либо недобросовестным означает по факту признание его поведения правомерным либо неправомерным. Однако за неправомерность в смысле недобросовестности не следует наказание, а применяются иные, более гибкие санкции, как-то: блокировка возникновения прав и обязанностей (ст. 157 ГК РФ), передача вещи в собственность (ст. 220, 302), возмещение доходов (ст. 303 ГК РФ), возмещение вреда (ст. 1103 ГК РФ), изъятие материального носителя исключительных прав (ст. 1252 ГК РФ), реституция и т. п. Все указанные санкции связаны с умышленным либо неосмотрительным осуществлением субъектом своих прав, для которого вопрос «что» осуществлять подмял под себя вопрос «как» эти права осуществлять. Причем, когда внутренние сомнения, неосмотрительность при правоосуществлении были принесены в жертву внешне законным, формальным границам прав; когда субъект права свой эгоизм предпочел сознательно в ущерб «чужим» интересам (или обществу в целом); когда присутствует лицемерное поведение, то есть создание видимости законной реализации своего субъективного права.

Таким образом, неоправданность, нелогичность, лицемерность, недобросовестность в действиях участников гражданского оборота, наличие скрытой цели, эгоистического

умысла (вины) при видимости использования субъективного гражданского права (обязанности) на стадии установления, осуществления, защиты ими своих гражданских прав (исполнения обязанностей), наличие при этом правовой неопределенности, отсутствие специальной регулирующей нормы права, противоправность – все это относится к необходимым признакам, при которых задействуются оба исследуемых принципа.

Какая сфера действия охватывается в таком случае п. 3 и 4 ст. 1 ГК РФ, то есть принципом добросовестности? Методом исключения приходим к следующему выводу: принцип добросовестности регулирует не только случаи злоупотребления правом, но и ситуации, где оно отсутствует, либо когда ст. 10 ГК РФ своим содержанием не справляется с возникшим казусом. Один из таких случаев (отсутствие злоупотребления правом) четко отражен в ст. 6 ГК РФ – применение принципа добросовестности при аналогии права. Или, например, если ст. 10 ГК РФ, несмотря на свои собственные барьеры, сама станет орудием злоупотребления. В этом случае к действию должны быть призваны нормы ст. 1 ГК РФ в совокупности с общими отраслевыми принципами гражданского права.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Братусь, С. Н. Предмет и система советского гражданского права / С. Н. Братусь. – М. : Госюриздат, 1963. – 197 с.
2. Васьковский, Е. В. Цивилистическая методология. Учение о толковании и применении гражданских законов / Е. В. Васьковский. – М. : Центр ЮрИнфоР, 2002. – 508 с.
3. Волков, А. В. Обход закона как наивысшая форма злоупотребления правом / А. В. Волков // Гражданское право. – 2013. – № 2. – С. 2–7.
4. Волков, А. В. Принцип недопустимости злоупотребления гражданскими правами в законодательстве и судебной практике (анализ более 250 судебных дел о злоупотреблении правом) : монография / А. В. Волков. – М. : Волтерс Клувер, 2011. – 960 с.
5. Обзор практики применения арбитражными судами статьи 10 Гражданского кодекса Российской Федерации : информ. письмо Президиума ВАС РФ от 25 нояб. 2008 г. № 127 // Вестник Высшего арбитражного суда Рос. Федерации. – 2009. – № 2.

6. Рыженков, А. Я. Принцип добросовестности в обновленном гражданском законодательстве / А. Я. Рыженков // Право и образование. – 2013. – № 9. – С. 62–69.

7. Рыженков, А. Я. Равенство и иерархия в гражданском праве / А. Я. Рыженков // Современное право. – 2012. – № 9. – С. 52–55.

8. Садиков, О. Н. Принципы нового гражданского законодательства СССР / О. Н. Садиков // Советское государство и право. – 1991. – № 10. – С. 20–29.

9. Тархов, В. А. Гражданское право. Курс. Общая часть / В. А. Тархов. – Уфа : Уфим. юрид. ин-т МВД, 1998. – 330 с.

CORRELATIONS BETWEEN THE PRINCIPLE OF GOOD FAITH AND PRINCIPLE OF INADMISSIBILITY OF THE ABUSE OF RIGHTS IN CONTEMPORARY CIVIL LAW

Volkov Aleksandr Viktorovich

Doctor of Juridical Sciences, Associate Professor, Department of Civil Law and Proceeding,
Volzhsky Humanities Institute (Branch)
Volograd State University
irbisadvokat@gmail.com
40 let Pobedy Street, 11, 404133 Volzhsky, Russian Federation

Abstract. The principle of the inadmissibility of the abuse of rights, in contrast to the principle of good faith, is expressed in special with respect to Section 1 of the Civil Code of the RF to the rule of law and will form the construction of guilty law mode with concrete sanctions for the unconscientious use of the given to subject lawful means. Connecting the abuse of rights with the output of law made face beyond the limits of the subjective civil liberty belonging to it, it is necessary to have in the form that the discussion deals with the very “narrow” formal understanding of right.

Key words: principle of good faith, limits of law realization, inadmissibility of the abuse of rights, a participant in the civil relation, legitimate behavior.